

Два голоса, два взгляда

ИКОНОПИСЕЦ СЛОВ

Александр Петрушкин «Стихотворения» («Издательские решения», 2019).

Книга уральского поэта и культуртрегера Александра Петрушкина, выдвинутая библиотекой имени В. Г. Белинского на Всероссийскую литературную премию имени П. П. Бажова и вошедшая в финал номинации «Мастер. Поэзия», фактически представляет собой «избранное» за 20 лет — с 1999 по 2019, о чем читателя скромно предуведомляет аннотация в одно предложение.

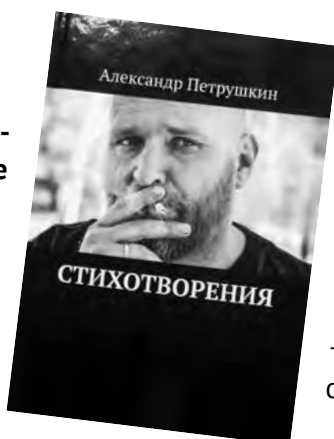
Между тем, она содержит 109 текстов, объединенных сквозными мотивами и образами — титаническая работа автора-составителя. Возможно, Александр замыслил ее как промежуточный итог определенного этапа своего пути, но ввиду скоростной смерти поэта в 48 лет, в феврале 2020 года, она стала итогом его жизни. Весомым и заслуживающим пристального внимания не только читателей, но и специалистов-филологов.

«Отряхивая от смерти» черную «прохожую речь», его трудолюбивый поэт-гончар «лабиринт сквозь время, как Пушкин какой-нибудь роет». И хотя «знак Пушкина» встречается в книге несколько раз, метаморфозы и обратимость ее поэтической материи близки поискам позднего Мандельштама. И речь здесь не о сознательном заимствовании, а о близости врожденной оптики.

Яблоня, как дождь, стоит в саду —
словно форточка у холода во рту,
на щеколде почки и цветенья
обращаясь в мед или росу,

в голос свой, его чужую стужу,
иней, что лежит на облаках,
как бы пес пришедший человека
говорить и, словно смерть, лакать.

Изымая голоса, как рыбы
вынимают птицу из иглы,
яблоня воды стоит у смерти,
в форточку из мглы своей глядит.

Меня фокус взгляда от первого абзаца к третьему, поэт останавливает время, замыкает его в кольцо, внутри которого образы-символы, перетекая друг в друга, делают с материей жизни странную работу — как бы проясняют, высвечивают первоначальный замысел Создателя, «вынимают всю тьму из глины, затем печаль». Это цитата еще из одного текста Петрушкина и «глину» здесь, конечно, следует понимать в библейском смысле.

Александр был верующим и воцерковленным человеком, много на эту тему думал и писал. Библейские образы присвоены им и глубоко переосмыслены. Всему строю книги — от наполнения до оформления — свойственна попытка приблизиться к анонимности русских иконописцев, которые никогда не подписывали свои работы. От какой-то смиренной краткости аннотации до рождения авторского «я» в создаваемом (воссоздаваемом) поэтом мире: «Начнем с того, что глаза нет — // а все, что есть, то Глаз, // один лишь Глаз, что в темноте // очеркивает нас ...». Поэт ощущает себя «калиткой меж электричеством и тьмой», находит прибежище за «молнией без звука, где обнаружил свою щель». И в каждом стихотворении через боль сшивает экзистенциальный разрыв между человеком и божьим (именно божьим) миром:

Окажется воздух кессонным,
прошитым, как жабры стрижей,
сшивающим нашу природу
с разрывом, мерцающим в ней.

И, слушая наших качелей иголку,
на входе в золу, надеюсь,
что голос негромкий
свой вынесу, коль не спасу.